

мира двух групп испытуемых. Концепты “сад”, “человек”, “семья” принципиальных отличий не имеют. Ассоциативные ядра, построенные нами на основе данных ассоциативного эксперимента, содержат значительную часть одинаковых компонентов. Это объясняется не только общностью общечеловеческих ценностей, лежащих в основе картины мира каждого индивида, но и принадлежностью испытуемых к одной культуре, в которой они воспитываются и живут. Тем не менее, и обнаруженные нами различия настолько очевидны, что пренебрегать ими не стоит. Исходя из культурного многообразия мира, следует решить, каким образом употребить мощный капитал, составленный уникальными индивидуальными картинами мира, на пользу развития – мира и человека.

Литература

1. Баронин А.С. Этническая психология. Киев: Тандем, 2000.
2. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание. Формирование и функционирование / РАН. Ин-т языкознания. М., 1998. С.135-171.

Н.Ю.Темникова

Самарский педуниверситет

Об одной функции поведенческих фразеологизмов в романе Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”

Важной особенностью идиостиля позднего Ф.М.Достоевского является предпочтение косвенных форм воплощения внутреннего мира человека. Это выражается, в частности, в господстве “симптоматического” способа текстового представления эмоций. Данный способ основан на фиксации произвольных речевых и поведенческих реакций героев как внешних проявлений их психических состояний. В качестве экспликаторов таких симптомов в произведениях Достоев-

кого активно выступают фразеологические единицы (ФЕ). Причем если в речи героев для выявления их эмоционально-психических состояний преимущественно используются междометные ФЕ: *боже мой; слава богу; черт возьми/поberi; вот те раз* и под., то в отрезках текста, организованных точкой зрения автора-повествователя (хрониста), функционируют “поведенческие” обороты, обозначающие невербальные сигналы о чувствах субъекта: *нахмурить брови; закусить губу; разинуть рот; выпучить глаза; сжать кулаки; топтать ногами; стать столбом; всплеснуть руками; кричать благим матом; плакать навзрыд* и т.п. Последние обладают богатыми возможностями для изображения героев в динамике их отношений с окружающим миром и для характеристики их внутренней сущности.

Стилистическое своеобразие в использовании Достоевским поведенческих ФЕ проявляется на нескольких уровнях:

– на уровне текстового воплощения “универсального” для всех поздних романов писателя психологического типа героя: динамичного, болезненно аффектированного, склонного к открытому проявлению своих чувств;

– на уровне создания конкретных поведенческих типов персонажей, например, персонажей, склонных к “инсценировке” своих страстей, к драматизации аффектов;

– на уровне создания образов отдельных героев.

Характеристика текстового употребления ФЕ в последнем из названных аспектов является предметом настоящих замечаний.

Многokrратно повторяясь в контекстах, посвященных тому или иному персонажу, поведенческие фразеологизмы фиксируют внимание читателя на определенной жестовой или мимической особенности в поведении этого персонажа. За подобной внешней особенностью нередко скрывается характеристика душевной организации. (Отметим, что на прямое соответствие “тела” “душе” в произведениях Достоевского уже обращалось внимание исследователей. Ср. замечание А.Чудакова: “Старый сладострастник у него [Достоевского – Н.Т.]

и внешне мерзок, “стерва” процентщица отвратна и с виду, а князь Мышкин или Алеша внешне почти ангельской” [2: 100 – 101].)

Проиллюстрируем сказанное на примере персонажа романа “Братья Карамазовы” Смердякова.

При описании в тексте мимической игры этого героя Достоевский неоднократно употребляет фразеосочетания типа *щурить глаза*; *мигать глазами*; *опустить глаза*; *вскинуть глазами* и под. Ср., например, в сцене беседы с Иваном накануне убийства Федора Павловича, когда Смердяков своим демонстративным “педантским спокойствием” приводит собеседника в исступление: *С гневом и отвращением глядел он [Иван] на скопческую истинную физиономию Смердякова. Левый чуть прищуренный глазок** [ср. оборот *щурить глаза* – Н.Т.] *его мигал и усмехался (XIV, 243)***; – *Зачем вы, сударь, в Чермашино не едете-с?* – *вдруг вскинул глазками Смердяков и фамильярно улыбнулся. “А чему я улыбаюсь, дескать, сам должен понять, если умный человек”, – как бы говорил его прищуренный левый глазок (244)*; – *Удивляюсь я на вас, сударь, – прибавил он, помолчав, как-то жеманно опустив глаза, выставив правую ножку вперед и поигрывая носочком лакированной ботинки (244)*. Устойчивая трансформация субстантивного компонента ФЕ *глазок* вместо *глаз* в таких контекстуальных условиях выражает презрительно-ироническое отношение автора к персонажу и влечет за собой снижение его образа.

Те же словесные характеристики появляются и в других частях текста, связанных со Смердяковым. Например, в описании разговора с Алешей в главе “Смердяков с гитарой”: *Смердяков медленно и невозмутимо вскинул на него глазами (XIV, 206)*. Или в сцене первого свидания с Иваном после убийства:

* Все графические выделения в цитируемых текстах наши.

** Произведения Достоевского цитируются по изданию: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1976. Т. XIV-XV. – При цитатах в скобках указывается номер тома (римскими цифрами) и страница (арабскими).

Он [Смердяков] был очень слаб, говорил медленно и как бы с трудом ворочая языком; очень похудел и пожжелтел. Скопческое, сухое лицо его стало как будто таким маленьким, височки были всклокочены, вместо хохолка торчала вверх одна только тоненькая прядка волосиков. Но прищуренный и как будто на что-то намекающий левый глазок выдавал прежнего Смердякова (XV, 43). Или в описании сцены второго свидания с Иваном: Глаза Смердякова злобно сверкнули, левый глазок замигал (XV, 51).

Как видим, настойчиво акцентированные автором мимические движения персонажа становятся своего рода знаками его в тексте. Особенно обращает на себя внимание то, что даже при существенной трансформации внешнего облика Смердякова характерная особенность его взгляда остается неизменной. На фоне сказанного приобретает особую значимость использование ФЕ в авторском описании героя при первом знакомстве с ним читателя в главе “Смердяков”: [Федор Павлович] *не только в честности его [Смердякова] был уверен, но почему-то даже и любил его, хотя малый и на него глядел так же косо, как и на других, и все молчал (XIV, 116).*

Представляется, что при употреблении в данном контексте ФЕ глядеть косо актуализируется не только метафорически переосмысленное, фразеологическое значение оборота – “высказывать к кому-либо недоброжелательство, недоверие” [1], но и буквальное значение словосочетания – прототипа ФЕ, причем это исходное значение получает в тексте индивидуально-авторскую мотивировку. Думается, в основе текстового употребления оборота глядеть косо, как и симптоматических ФЕ, эксплицирующих особенности мимики Смердякова, лежит единый образ: “уход” от “прямого зрения”, чтобы лукавая душа не “просматривала” наружу – сквозь глаза. Такая ассоциативная связь дистантно удаленных друг от друга в тексте ФЕ служит основой для аккумуляции ими спектров дополнительных, символических, значений, отражающих сценочное отношение автора к персонажу.

Очевидно, что ФЕ, настойчиво акцентирующие определенную (сквозную) особенность мимического поведения персона-

жа – его “косой” взгляд – имплицитно указывают в тексте романа на дисгармоничность, противостественность его внутренней сущности, что, в свою очередь, должно ассоциироваться, по замыслу автора, с его “дьявольской” природой.

Таким образом, включаясь в структуру художественного целого романа, поведенческие ФЕ приобретают “приращение” семантики, способное служить выразителем ценностной позиции автора.

Литература

1. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А.И.Федоров. Новосибирск, 1995. Т. 1.
2. Чудаков А. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого. М., 1992.